

Волнения ратников Пензенского ополчения в декабре 1812 г.

В отечественной историографии XIX в. проблема формирования и деятельности народного ополчения 1812 года изучалась крайне поверхностно. Отсутствовали какие-либо обобщения и выводы. Даже в многотомных трудах А.И. Михайловского-Данилевского и М.И. Богдановича этот вопрос не получил должного освещенияⁱ. Авторы лишь выдвигали на первый план особую роль и заслуги дворянства в организации ополчения и совершенно не рассматривали степень участия в нем других сословий. Очевидно, поэтому тема волнений ратников Пензенского ополчения в декабре 1812 г. не нашла никакого отражения в их трудах.

К 100-летию Отечественной войны 1812 года исследовательская деятельность значительно активизировалась. Появились и работы, посвященные народному ополчению. Однако даже в исследовании В.Р. Апухтина о волнениях ратников не сказано ни словаⁱⁱ. Лишь в книге Н.Ф. Хованского содержатся некоторые сведения о ходе выступленияⁱⁱⁱ.

В советской историографии вопрос о волнениях в полках Пензенского ополчения решался в контексте теории классовой борьбы. Действия ратников представлялись антифеодальными и антикрепостническими^{iv}. Своего исчерпывающего развития эта концепция достигла в работе В.И. Бабкина, который полагал, что «это был гневный классовый протест крепостных крестьян, одетых в форму ратников, против распространения офицерами крепостных порядков на ополчение»^v. Даже исследование Н.А. Троицкого и выводы, представленные в статье И.С. Максимова, вышедшей в 1997 г., не избежали влияния этой концепции^{vi}.

На наш взгляд, такой подход крайне односторонне вскрывает особенности волнений ратников Пензенского ополчения, и это событие следует рассматривать гораздо шире, в контексте конкретно-исторической ситуации.

Большое значение в освещении событий декабря 1812 г. в Пензенской губернии имеют архивные источники. В фонде «Канцелярии пензенского губернатора» Государственного архива Пензенской области сохранились материалы, которые содержат копии рапортов князя Г.С. Голицына Александру I о выступлении ратников ополчения, а также его переписку с местными органами власти, губернаторами соседних губерний, командующим ополчениями III округа графом П.А. Толстым, начальником Пензенского ополчения Н.Ф. Кишенским, военными чинами и чиновниками по особым поручениям, командированными в Инсар, Саранск и Чембар^{vii}. Некоторые из этих документов были опубликованы в «Военно-историческом журнале» и сборнике документов «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года»^{viii}.

В изучении волнений ратников Пензенского ополчения видное место занимает и мемуарная литература. Описание событий декабря 1812 г. в г. Инсаре содержится в воспоминаниях прапорщиков 3-го пехотного полка ополчения И.Т. Шишкина и П.И. Юматова^{ix}. Ряд интересных сведений о выступлении ратников сообщают известный мемуарист начала XIX в. Ф.Ф. Вигель и чиновник питейных сборов И.И. Мешков^x.

На основании рескрипта Александра I графу П.А. Толстому от 8 ноября 1812 г. выступление в поход ополчений III округа было намечено на конец ноября — начало декабря^{xi}. Первым из полков Пензенского ополчения 10 декабря должен был выступить находившийся в Инсаре 3-й пехотный полк. Однако накануне ратники отказались идти в поход под тем предлогом, что «не могут на сие решиться без государева указа и без присяги»^{xii}. Прапорщик И.Т. Шишкин вспоминал, что на его вопрос, почему они не повинуются приказаниям начальника, ополченцы громким криком отвечали: «Не хотим!... Не пойдем в поход без присяги, не хотим никому повиноваться»^{xiii}. В своих воспоминаниях П.И. Юматов писал, что среди ратников даже распространились нелепые слухи, будто бы «ополчение собрано не по воле Государя, а по воле самих дворян и с тем, чтоб приведа их перед французскую армию, продать безоружных Наполеону, а он, как пленных отошлет их воевать за

него в другие немецкие земли, точно так же, как продали Москву»^{xiv}.

Воины 1-й сотни 1-го батальона, собравшись на базарной площади города, потребовали привести их к присяге и показать им царский указ. Это требование заставило полкового командира подполковника Кушнерева выйти перед строем ополченцев и зачитать им императорский манифест об ополчении и повеление о походе. Однако, как пишет И.Т. Шишкин, ратники «не поверили манифесту потому, что на нем не было красной печати, которая, по их мнению, должна была непременно находиться и которую долго искали, осматривая манифест со всех сторон. Потом требовали сказать им, куда их хотят вести. Им отвечали, в поход. «Вы обманываете нас, — возразили они с грубостью. — Мы не присягали, а без того нельзя солдату быть и в походе. Да и собирать нас Государь не велел, а требовал одних дворян, но вы ведете нас вместо себя»^{xv}. После чего отказались уже и присягать без высочайшего повеления.

Подполковник Кушнерев распорядился арестовать 12 человек из числа ратников. Очевидно, этот шаг и явился поводом к активизации выступления и привел к тому, что в Инсаре ситуация вышла из-под контроля гражданских и военных властей. Ратники всего полка бросились по дворам сотенных начальников, вооружились пиками, которые там хранились, и освободили своих товарищей из-под караула. Затем начали избивать офицеров и гражданских чиновников, грабить и разорять дома дворян и городских обывателей^{xvi}.

Подполковник Кушнерев с несколькими офицерами смог укрыться на своей квартире, в доме Головизнина. Дом был окружен вооруженными ополченцами. Они требовали выдачи полкового начальника и двух ротных командиров, объясняя, что хотят наказать их за неумеренную строгость и если «кто найдется виновным, того на виселицу». Когда офицеры отказались выйти из дома и добровольно сдаться, ратники начали бить окна палками, кирпичами и пиками. Они даже хотели обложить дом соломой и поджечь его. Но в последний момент отказались от этой затеи, так как огонь мог перекинуться на другие строения и привести к большому пожару^{xvii}. Несколько ратников смогли залезть на крышу и через чердак проникнуть в дом. Ворвавшись в комнаты, они начали избивать полкового начальника и офицеров, а затем арестовали их и посадили в острог^{xviii}.

После ареста офицеров ратники «многими толпами» рассеялись по городу и начали грабить и разорять дома не только дворян, но и городских обывателей. По описи, составленной дворянским заседателем Пензенской палаты уголовного суда С.А. Ларионовым, разорению подверглись 16 дворянских и 14 «разночинских» (7 мещанских и 2 купеческих дома, 2 дома жен отставных солдат, по одному дому однодворца, цехового мастера и опущенного на волю крепостного) дворов, а также дом девицы Никоновой на чугунолитейном заводе. По сведениям, поданным в Инсарский уездный суд, у местных жителей было разграблено 15 257 руб. 20 коп. денег, в домах перебито разного имущества (мебели, рам со стеклами) на 62 642 руб. 70 коп. Кроме того, пропало 38 997 руб. 49 коп. казенных и артельных денег, разграблено у офицеров 8939 руб. 30 коп. их собственных денег и разных вещей на сумму 12 081 руб. 19 коп. Таким образом, по официальным данным, ущерб составил 137 917 руб. 88 коп.^{xix} Однако, хотя соляной и винные магазины во время волнений остались без надлежащего караула (из числа караульных при магазинах остался только один ратник), они не подверглись разорению, и денежная казна, вино и соль остались в полной сохранности^{xx}.

Следует не согласиться с некоторыми выводами отечественных историков, прежде всего В.С. Година и И.С. Максимова, о ходе волнений в Инсаре. Так, в источниках не находит своего подтверждения факт выбора ратниками нового полковника — простого крестьянина Федора Петрова^{xxi}. Очевидно, названные авторы пытались выдать за такового ратника Федота (!) Петрова, виновного лишь в распространении слухов о роспуске ополчения^{xxii}. Также нет никаких сведений и о том, что среди ополченцев существовали строжайшая дисциплина и порядок, что они даже выставили вокруг города вооруженные посты для его охраны^{xxiii}. Эти выводы следует признать беспочвенными. Они были сделаны для того, чтобы создать вокруг волнений ратников ореол организованности и осознанности борьбы против дворянского сословия. С этих же позиций следует рассматривать и попытки некоторых историков прикрасить грабежи, совершенные ополченцами, необходимостью сделать тщательный обыск в дворянских домах, чтобы найти подлинник царского указа, якобы спрятанный офицерами ополчения^{xxiv}.

10 декабря начались волнения в 1-м пехотном полку Пензенского ополчения, находившемся в Саранске. Когда перед выступлением в поход воины были собраны на центральной площади города для совершения молебна, они отказались повиноваться. Саранский полицмейстер Евсюков доносил пензенскому губернатору, что «того ополчения большая часть воинов против полковника, штаб- и обер-офицеров делая послушание, будучи вооружены пиками, бунтуясь, приступя к полковнику, и многих офицеров покушались бить, крича, что они без государева указа и без присяги нейдут. Окружа полковника, архимандрита, штаб и обер-офицеров, к

пению молебствия не допустили. Из каковой толпы полковник и архимандрит едва могли вырваться и тем себя спасти, равномерно и прочие офицеры, из коих некоторых и били»^{xxxv}. Сначала ратники потребовали, чтобы на следующий день их привели к присяге, а затем, отказавшись от своего первоначального намерения, говорили, что не желают идти в поход «без именного повеления», так как де они «набраны не с воли Государя, а по собственному расположению их господ»^{xxxvi}.

Выступление ратников в Саранске проходило в более мирных формах, чем в Инсаре. Об этом в своем рапорте начальнику Пензенского ополчения генерал-майору Н.Ф. Кишенскому от 12 декабря сообщает полковой командир К.И. Селунский. Он писал, что «все воины не делали дальних буйств, выходили даже на перекличку, кроме как только твердя все прежние слова и не отдавая разобранных ими пию»^{xxxvii}.

Губернское руководство и командование Пензенского ополчения предприняли решительные меры для подавления выступлений ратников в Инсаре и Саранске и локализации района волнений, хотя местные власти и не располагали для этого необходимыми воинскими контингентами. Князь Г.С. Голицын доносил, что «в городе Пензе находится один только гарнизонный батальон, но и тот состоит в разных по службе необходимо нужных постах для провода рекрутских партий и пленных, так что кроме нескольких токмо человек оренбургских казаков и калмыков других воинских команд здесь нет, ополченцев же, в прочих еще городах расположенных, обращать на инсарское ополчение не безопасно»^{xxxviii}.

Уже 10 декабря начальник Пензенского ополчения генерал-майор Н.Ф. Кишенский сообщал губернатору, что «ныне же» отправляется в Инсар, в связи с чем просил его «предписать здешнего гарнизонного батальона командиру, чтобы он откомандировал от себя при офицерах сколько можно более вооруженных людей, таюже и служащих при полиции 50 казаков при офицере, коим приказали бы как можно скорее явиться ко мне, куда я сам с ними и с двумя орудиями отправляюсь». А для скорого проезда просил приказать «кому следует... давать под пеших подвод, а под конных и взятых из ополчения 100 казаков—лошадей»^{xxxix}. Все соответствующие распоряжения князем Г.С. Голицыным были сделаны^{xxx}. Также пензенский губернатор предписал инсарскому уездному предводителю дворянства Машкову учредить караулы во всех селениях, прилегающих к городу, чтобы «буйство воинов» не распространилось по округе^{xxxi}, а земским исправникам и городничим Чембарского, Нижнеломовского и Керенского уездов - немедленно брать под караул бежавших из Инсара ратников и препровождать их в Пензу^{xxxii}. 10 декабря по предписанию князя Г.С. Голицына в Инсар был направлен чиновник по особым поручениям, дворянский заседатель Пензенской палаты уголовного суда С.А. Ларионов в целях разъяснения ополченцам царских манифестов и внушения им всей важности их преступлений. С.А. Ларионов наделялся соответствующей властью отдавать необходимые распоряжения градской и земской полициям^{xxxiii}. На следующий день с теми же полномочиями в Саранск отправился губернский стряпчий С.М. Попов^{xxxiv}. Одновременно, идя на уступки ратникам, губернатор предложил Пензенскому губернскому правлению снабдить полковых начальников ополчения печатными указами о приведении воинов к присяге^{xxxv}.

Князь Г.С. Голицын немедленно информировал о произошедших в Инсаре и Саранске событиях саратовского, симбирского и тамбовского губернаторов, начальника ополчений III округа графа П.А. Толстого, командующего резервной армией князя Д.И. Лобанова-Ростовского, командиров бригад 3-го корпуса резервной армии генерал-майоров Н.Ю. Урусова и В.Б. Адамовича, а также полковника П.Я. Алексеева, который с двумя егерскими полками следовал из Лукояновского уезда в Орловскую губернию и находился недалеко от мест выступления ратников Пензенского ополчения^{xxxvi}. Во многих письмах содержалась просьба «прислать как можно поспешнее» воинские команды для подавления бунта. Кроме того, симбирского губернатора он просил изменить маршрут движения Симбирского ополчения, чтобы оно миновало Пензенскую губернию, а тамбовского – направлять пленных, конвоируемых в глубь страны, через Саратов.

Из Пензы и соседних губерний к Инсару и Саранску сразу же стали стягиваться крупные воинские контингенты. 10 декабря по направлению к Инсару двинулся отряд под командованием генерал-майора Н.Ф. Кишенского, состоявший из 100 ратников конного полка ополчения, 50 оренбургских казаков и солдат Пензенского гарнизонного батальона при двух орудиях, общей численностью не менее 200 человек^{xxxvii}. 12-13 декабря в районе Саранска уже находились воинская команда полковника Тимофеева из резервной бригады генерал-майора Урусова, насчитывавшая 150 «нижних чинов» при нескольких офицерах, а также 36-й и 42-й егерские полки под командованием полковника Алексеева^{xxxviii}. 14 декабря из Саратова, Симбирска и Тамбова в Пензенскую губернию выступили воинские команды,

состоящие в основном из солдат местных гарнизонных батальонов^{xxxix}. Кроме того, из Моршанска к Нижнему Ломову были направлены несколько эскадронов (400 человек) Борисоглебского драгунского полка под командой полковника Шостака^{xl}.

11 декабря^{xli} Инсар был блокирован отрядом Н.Ф. Кишенского, который остановился в 10 верстах от города в с. Пятине^{xlii}. Конные казаки разъезды были посланы им занять прилегающие к городу дороги. В близлежащих селениях были расставлены караулы из числа местных жителей во главе с дворянами. Очевидно, узнав о появлении недалеко от Инсара правительственных войск, воины ополчения прекратили «всякие возмутительные действия»^{xliii}. Они освободили из острога подполковника Кушнерева и офицеров полка, а также сами взяли под караул от 35 до 50 ратников, «бывших между ними начальниками»^{xliv}.

В ночь с 11 на 12 декабря в Инсар была послана воинская команда с офицером для охраны арестованных ополченцев^{xlv} а утром 12 декабря со всем своим отрядом в город вступил Н.Ф. Кишенский^{xlvi}. Он приказал ратникам 3-го пехотного полка ополчения поротно построиться на городской площади, что «с большим страхом» и было исполнено. После этого офицеры полка при участии местных жителей стали выявлять активных участников волнений и брать их под арест. Как оказалось, во время возмущения разбежалось около 400 ратников^{xlvii}. Гражданские власти предприняли действенные меры для розыска бежавших воинов и поиска разграбленного имущества и денег^{xlviii}.

13 декабря в Инсаре ратники ополчения были приведены к присяге, в ходе которой не обошлось без эксцессов. При выходе из церкви один из урядников сказал своим товарищам, что «де это еще не присяга», так как они «от сохи и бороны еще не отрекались» и «надобно требовать другую». В то же время один инсарский мещанин укорял ополченцев, что «они на своем не устояли и пошли к присяге». На следующий день оба были наказаны: урядник прогнан сквозь строй «через 1000 человек 4 раза ширицутоном», а мещанин наказан перед строем всего ополчения плетью^{xlix}. 16 декабря через Инсар были проведены два егерских полка под командованием полковника Алексеева, «дабы чрез то дать воинам знать, что войско сие требовалось для усмирения их»^l.

В Саранске выступления ратников ополчения продолжились даже после того, как ранним утром 12 декабря в город вступил воинский отряд численностью в 150 человек при нескольких офицерах под командованием полковника Тимофеева. Попытка полкового начальника К.И. Селунского в тот же день привести ополченцев к присяге закончилась неудачей. Ратники заявили, что «они лучше идут в настоящие солдаты, а за помещиков служить не будут, поставляя в резон то, что их все жители пренебрегают и называют их мужиками, а не служивыми». Зачитанный же им манифест о сборе ополчения они назвали «лжесоставленным» самими дворянами и потребовали, чтобы «Государь Император прислал об них указы за собственноручным подписанием»^{li}. После чего, отказавшись присягать и идя в поход, ратники мирно разошлись.

Не решаясь из-за малочисленности войск на активные действия для приведения ополченцев в повиновение и стараясь выиграть время, военные и гражданские власти лишь ограничились мерами по поддержанию в городе должного порядка. С 10 декабря в Саранске были закрыты питейные дома^{lii}. По распоряжению саранского полицмейстера Евсюкова городские жители (мещане, цеховые и однодворцы) должны были снарядить караулы (со 100 по 10 человек), которые были расставлены у здания уездного казначейства, тюрьмы, соляных и винного магазинов. Часть обывателей была оставлена при градской полиции. Полицмейстер и гражданские чиновники днем и ночью совершали по городу разъезды, проверяя караулы. Пришедшие же в Саранск с полковником Тимофеевым солдаты заняли посты и учрежденную ими «абвахту»^{liii}.

13 декабря после полудня к городу подошли два егерских полка из бригады генерал-майора Адамовича, следовавшие в Инсар. После этого военные и гражданские власти перешли к решительным действиям. По приказанию В.Б. Адамовича было арестовано 84 ополченца^{liv}. 14 декабря у ратников были отобраны пики, а на следующий день они были приведены к присяге^{lv}. 17 декабря в Саранск прибыли командующий ополчениями III округа граф П.А. Толстой и князь Г.С. Голицын. Саранский полицмейстер рапортовал пензенскому губернатору, что «в городе Саранске все состоит благополучно и спокойно, слушание ж... воинов, находящихся в городе 1-го Пензенского казачьего пехотного полка против полкового начальника, штаб- и обер-офицеров прекратилось»^{lvi}.

Уже в походе начались волнения во 2-м пехотном полку Пензенского ополчения, который формировался в Мокшане. Еще во время марша в с. Каменке Нижнеломовского уезда полк разоружили^{lvii}. Князь Г.С. Голицын доносил командующему ополчениями III округа графу П.А. Толстому, что «по средствам благоразумия

начальник сего полка в виде облегчения воинов оставил все пики в помянутом селе, откуда оныя... чрез земского исправника доставлены уже в губернский город по тому наипаче уважению, дабы не оставить хранение их при многолюднейших владельческих вотчинах, известных особенно по бывшему здесь в 70-х годах произшествии»^{lviii}.

15 декабря первые два батальона 2-го пехотного полка вступили в Чембар, а два других остановились в с. Кевда-Вершина, точнее, недалеко от него. По предписанию начальника Пензенского ополчения Н.Ф. Кишенского 16 декабря полковой командир полковник Дмитриев должен был привести к присяге ратников двух батальонов, находившихся в Чембаре. Но ополченцы отказались присягать, мотивируя свои действия тем, что «на сие нет императорского указа, да и отданы они по воле своих помещиков на время»^{lix}. В сложившейся ситуации полковник Дмитриев и большинство офицеров, опасаясь за свою жизнь, посчитали для себя необходимым покинуть город. В этих условиях чембарский городничий Половинкин попытался принять все меры, чтобы ситуация не вышла из-под контроля властей. Городским обывателям, в чьих домах квартировали ополченцы, было предписано кормить воинов «безоговорочно». Для снижения напряженности в Чембаре городничий вынужден был отпускать домой тех ратников, которые просили об этом^{lx}. Из ближайших селений было выпребовано до 300 казенных крестьян, которые, «по неимению в городе воинской команды достаточного числа людей, также и по малому числу жителей», должны были вместе с городскими обывателями «в ночное время содержать карауль». Городничий, земский исправник и немногие оставшиеся в городе офицеры старались уговорами повлиять на ратников и удержать их «от буйств»^{lxi}. Тем временем к Чембару стали стягиваться регулярные войска^{lxii}.

В городе были установлены относительный порядок и спокойствие. Из своей среды ополченцы избрали своим «полковником» ратника Гаврилу Иванова, которому в отсутствие офицеров беспрекословно повиновались. Пензенский губернский стряпчий Залесский, прибывший в Чембар 19 декабря по распоряжению губернских властей, доносил князю Г.С. Голицыну, что по приезду среди ратников «нигде не мог приметить ни буйства, ни намерений ко злу клонящихся, а только непослушание и неуважение к командирам своим». Уездное казначейство, винные и соляные магазины не подверглись никакому разорению. Ночные разъезды и караулы снаряжались местными властями исправно. Из разговоров с местными жителями ему удалось выяснить, что ополченцы не чинят им никаких обид и притеснений, разве что «иные ратники, выпивши, не платят денег» в питейных домах да у одного купца «унесли кадочку икры». Залесский приказал управляющему питейными сборами, «дабы все питейные дома были затворены с захождением солнца»^{lxiii}.

17 декабря отказались принимать присягу воины 3-го и 4-го батальонов, находившиеся в с. Кевда-Вершина. Вооружившись «рычагами», «говьями» и «дреколием», они окружили дом, где собрались офицеры, и потребовали от них именного повеления об их сборе и приведения к присяге, называя тот указ, который им был прочитан, «выдуманном самими офицерами»^{lxiv}. На следующий день оба батальона выступили в Чембар, где к 19 декабря, по сообщению городничего, собралось до 1800 ратников^{lxv}.

Из-за небольшого числа жителей Чембар не мог вместить и прокормить такого количества войск. В каждом доме на основании квартирной повинности располагалось по 20 и более ратников, отчего обыватели терпели «в содержании их хлебом крайнее себе отягощение», тем более что среди них были «такие бедные, кои едва ли в состоянии себя прокормить»^{lxvi}.

21 декабря среди ополченцев поднялся ропот. Они собрались в центре города, где располагались присутственные места, «кричали, что их не кормят, что они голода терпеть не станут, чтоб отпустили их, а ежели не опустят, то они сами пойдут, иные же в толпе кричали, что они дурно поступя»^{lxvii}. Чтобы как-то успокоить ополченцев, местные власти собрали в ближайших селениях 44 пуда печеного хлеба и роздали местным жителям «для прокормления квартирующих у них ратников», заявив, что эта задача будет продолжаться и впредь^{lxviii}.

Утром 22 декабря в Чембар прибыл отряд под командованием поручика Титкова с двумя орудиями. Полковник Дмитриев, к этому времени также возвратившийся в город, сразу же принял решение усмирить мятежников^{lxix}. Для охраны «казначейства и целого города» и в ожидании двух егерских полков, которые должны были прибыть в Чембар через несколько часов, воинскую команду поручика Титкова он распорядился расположить фронтом на площади. Тотчас вокруг толпами стали собираться ратники, вооруженные «рычагами». Полковник Дмитриев трижды подъезжал к ним, уговаривал разойтись, угрожая тем, что по ним сейчас будут стрелять из пушек. Но в ответ слышал только ругательства и крики: «Вы нам ничего не сделаете... Мы отыдем пушки и всех побьем». После чего, ратники стали приближаться «к выстроенному фронту и пушкам так, что, кинувшись, могли бы овладеть

онными». Дмитриев отрядил офицера с 12 егерями, чтобы те, угрожая толпе выстрелами, не допускали ратников к строю. Но ополченцы стали бить егерей «рычагами» и кидать палками в офицеров, легко ранив некоторых из них. Егерь открыли огонь, но ратники с криками бросились к пушкам. По ним был сделан холостой выстрел из одного орудия, а когда и это не помогло, «ударили другой раз, картечью, и в штыки». Ратники обратились в бегство, оставив «убитых на месте человек до пяти, тяжело раненых до десяти». Ополченцам было приказано собраться на сборном месте, куда вскоре более половины из них и явились, где были взяты под караул^{lxx}.

36-й и 42-й егерские полки под командованием полковника Алексеева, прибывшие вечером к Чембару, расположились в двух верстах от него в с. Маче^{lxxi}. В тот же день, в 7 часов пополудни, Дмитриев рапортовал князю Г.С. Голицыну, что «возмущение прекращено»^{lxxii}. 23 декабря в присутствии егерских полков ратники были приведены к присяге^{lxxiii}.

По распоряжению командующего ополчениями III округа графа П.А. Толстого была учреждена комиссия военного суда, которая должна была выявить зачинщиков бунта и установить причины произошедших волнений. Для производства следствия в Пензенскую губернию прибыл полковник Н.Н. Муравьев. От гражданских властей в комиссию были включены надворный советник С.А. Ларионов (по событиям в Инсаре), губернские стряпчие С.М. Попов (в Саранске) и Залесский (в Чембаре).

Для сохранения порядка и искоренения последствий волнения ратников на время проведения следствия и вплоть до выступления полков ополчения в поход в Пензенской губернии были оставлены значительные воинские контингента. Пока длилось следствие, в Саранске и Инсаре располагались два батальона, каждый численностью от 300 до 400 человек, под общим командованием полковника Тимофеева^{lxxiv}. В Чембаре находился отряд из бригады полковника Алексеева под командой штаб-капитана Черникова-Анучина, состоящий из 193 «нижних чинов» при двух офицерах^{lxxv}. Кроме того, в Пензе на некоторое время был оставлен один из башкирских полков, прибывших с графом П.А. Толстым, а из другого, поставленного в с. Сентяпине на границе с Тамбовской губернией, по одной сотне направлено в Инсар, Саранск и Чембар^{lxxvi}.

Власти жестоко расправились с зачинщиками и активными участниками выступлений. Как свидетельствовал прапорщик И.Т. Шишкин, «три дня лилась кровь виновных ратников, и многие из них лишились жизни под ударами палачей. Из уцелевших, оставшихся после наказания ратников, часть отправлена в каторжную работу, часть - на поселение, а другие - на вечную службу в дальние сибирские гарнизоны»^{lxxvii}. По воспоминаниям П.И. Юматова, комиссия военного суда распределила виновных ратников на три категории: «из всех трех полков 32 человека определено, наказав кнутом, сослать в каторжную работу, 280 человек, прогнав шпицрутенами, отправить на дальние гарнизоны, и наконец, до 800 человек наказать перед полками палками»^{lxxviii}. Эти сведения согласуются с архивными данными. В списке «нижних чинов», выбывших по различным причинам из 1-го Пензенского ополчения, указывается, что при подавлении волнений ратников было наказано шпицрутенами и отослано в дальние гарнизоны 289 человек (из 1-го пехотного полка ополчения - 119, из 2-го — 63, из 3-го — 107), было выпорото кнутом и сослано на каторгу 42 человека (из 1-го полка ополчения — 7, из 2-го — 14, из 3-го — 21)^{lxxix}. В Инсаре из числа приговоренных к кнуту и шпицрутенам было засечено до смерти 38 человек, в Чембаре — 4^{lxxx}.

Рескриптом Александра I от 2 марта 1813г., данным на имя графа П.А. Толстого, наказания ратникам Пензенского ополчения были отменены. В нем, в частности, отмечалось, чтобы «прощение сие объявить воинам и внушить им, что заблуждение свое должны они загладить усердною службою, верностию и повиновением начальству, как требует от них того обязанность закона и долг благодарности»^{lxxxi}.

Каковы же были причины волнений ратников Пензенского ополчения? На основании архивных материалов и мемуарных источников можно сделать следующие выводы. Во-первых, плохое питание ополченцев и злоупотребления со стороны начальства. На вопрос императора, «имело ли тут место злоупотребление»^{lxxxii}, граф П.А. Толстой и князь Г.С. Голицын отвечали, что воины никаких жалоб на продовольствие и отношение к себе со стороны командиров не имели^{lxxxiii}. Это официальное мнение на этот счет местных властей и руководства ополчением. На деле, очевидно, все обстояло несколько иначе. Так, прапорщик И.Т. Шишкин писал, что инсарских ратников «худо продовольствовали пищею»^{lxxxiv}. Губернский стряпчий Залесский отмечал, что плохое питание ополченцев в Чембаре из-за того, что город «не в состоянии поместить и прокормить всего полка», послужило «предлогом» к активизации их действий^{lxxxv}. О плохом питании ратников и финансовых злоупотреблениях со стороны полковых начальников говорит в своих записках Ф.Ф. Вигель^{lxxxvi}.

Прапорщик П.И. Юматов даже намекает, что «о действительном... разграблении казенных денег тайна осталась за тогдашним полковым казначеем Алексеем Федоровичем Реновым»^{lxxxvii}. Наконец, сам пензенский губернатор князь Г.С. Голицын в ордере надворному советнику С.А. Ларионову просит его «самым скромным образом и без всякой огласки» разобраться в том, действительно ли «за несколько еще времени до произошедшего в городе Инсаре от воинов 3-го пехотного казачьего полка возмущения роптали они, что будто бы не в свое время и не в надлежащем количестве получали провиант и что в оном чувствовали недостаток»^{lxxxviii}. На злоупотребления со стороны полковых начальников указывает и тот факт, что после подавления волнений ратников граф П.А. Толстой распорядился сменить некоторых командиров. Вместо подполковника Кушнерева, якобы вышедшего в отставку по болезни, командиром 3-го пехотного полка был назначен подполковник П.А. Бекетов, а все Пензенское ополчение было непосредственно подчинено генерал-майору Титову.

Во-вторых, волнения ратников Пензенского ополчения явились следствием «интриг Наполеона, который действовал через шпионов, рассеянных тогда по всей России во множестве, в особенности евреев и обрусевших поляков». Данную точку зрения мы находим в воспоминаниях П.И. Юматова^{lxxxix}. Он сообщает о распространении среди ополченцев в Инсаре «нелепых слухов» о том, что офицеры, приведя к французской армии, продадут безоружных Наполеону, который, как пленных, отправит их воевать в немецкие земли. Очевидно, эта точка зрения оказалась востребованной среди некоторых представителей центральной власти. Так, именно эту версию произошедших событий в своем письме Александру I от 20 декабря 1812г. озвучивает граф Ф.В. Ростопчин^{xc}.

В-третьих, подстрекательство к бунту со стороны оренбургских казаков, присланных в Пензенскую губернию по распоряжению графа П.А. Толстого для исполнения полицейских функций и распределенных небольшими командами по всем уездным городам^{xc1}. Надворный советник Ларионов и губернский стряпчий Попов доносили пензенскому губернатору, что после ареста многие ратники обличали казаков, будто бы те одобряли их намерение не идти в поход без присяги^{xcii}. Появление в уездных городах оренбургских казаков в качестве представителей законной власти могло восприниматься местными жителями как возвращение «пугачевской смуты». Так, инсарские ратники даже хотели отвести офицеров к казакам на суд и, кого те найдут виновными, «того на виселицу, а она уже готова»^{xciii}. Оренбургские казаки, прибывшие из Симбирской губернии, могли распространить среди местного населения слухи о произошедшем в Самаре неповиновении одного из башкирских полков, о чем сообщает в своем «Дневнике» И.А. Второе^{xciv}.

Наконец, в-четвертых, практически во всех источниках в качестве основной причины волнений ратников Пензенского ополчения указывается их нежелание идти в поход без присяги и именного повеления^{xcv}. Очевидно, это явилось следствием негативного восприятия крестьянами формирования милиции 1806—1807 гг. и роспуска ополчения в соседней Тамбовской губернии.

Ополчение 1806-1807 гг. получило среди народных масс печальную известность из-за передачи ратников на укомплектование регулярных войск, хотя это решение и противоречило царскому манифесту о милиции от 30 ноября 1806 г., в котором говорилось о временности его сбора. Из более чем 200 000 набранных ополченцев 177 000 остались служить в армии^{xcvi}. Все это обусловило недоверие народных масс к действиям правительства при формировании ополчения 1812 года. При отдаче крестьян в ополчение помещики были вынуждены заверять их, что оно «учреждается временно и что они возвратятся паки в свои семейства». Среди ратников даже распространился слух, что якобы они отданы в ополчение сроком на 3 месяца^{xcvii}. Не случайно, когда было распущено ополчение в Тамбовской губернии, это породило надежду о скором возвращении домой^{xcviii}. «Но вместо сего, — как писал из Чембара губернский стряпчий Залесский, — вдруг услышали требование присяге на верность службы». Ратники «сочли, что вопреки Высочайшей воле хотят их под предлогом службы удалить навсегда от домов и семейств. Самое непросвещение их породило уже различные толки. Иной думал, что сие происходит от помещиков, а большая часть относилась к полковнику со штаб- и обер-офицерами. Были и таковые, кои, зная грамоте, удостоверили, что указ, читанный им о присяге, не печатный, а писанный, и подписан не Государем Императором, и что его сочинили сами офицеры. Присовокупляя к сему еще доказательства. Во-первых, что ежели бы сие было по Высочайшей воле, то бы жены их были изъяты из владения помещиков, ибо де рекрут берут по Высочайшей воле и жены их тотчас изъемяются из владения помещиков. Во-вторых, так как в рекруты отдают по Высочайшей воле, то рекрут с места приема препровождают полковые офицеры и солдаты. Но их, напротив того, жены остаются во владении помещиков и

самих ведут в поход дворяне же здешней губернии. Таковые предубеждения сильно внедрили в них подозрения уже и ко всем чиновникам»^{хсix}

Очевидно, именно в этом и следует искать главные причины волнений ратников Пензенского ополчения в декабре 1812 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ См.: *Троицкий Н.А.* 1812: Великий год России. М., 1988. С. 218; *Максимов И.С.* Крестьянство Мордовского края в период военных кампаний 1812—1815 гг. // Обновляющаяся Россия: формирование нов. гуманитар. пространства. Саранск, 1997. С. 139.

ⁱⁱ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 409, 410, 411, 413.

ⁱⁱⁱ Документы к истории подавления восстания полков Пензенского ополчения (1812 г.) // Воен.-ист. журнал. 1940. №12. С. 103-120; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сб. документов / Под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1962. С. 377-386.

^{iv} См.: ГАПО. Ф. 132. Оп. 1а. Д. 3; *Шишкин И.* Бунт ополчения в 1812 году // Заря. 1869. №8. С. 112—151; *Юматов П.И.* Рассказы моим детям: Воспоминания ветерана 1812-1814 г. // Гр. СУАК. 1890. Т. 3, вып. 1. С. 149-229; *Юматов П.И.* Воспоминания ветерана 1813-1814 г. // Земство. Пенза, 1996. №1. С. 78-134.

^v *Бабкин В.И.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962. С. 46-47.

^{vi} См.: *Троицкий Н.А.* Указ. соч. С. 218; *Максимов И.С.* Указ. соч. С. 139.

^{vii} ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 409, 410, 411, 413.

^{viii} Документы к истории подавления восстания полков Пензенского ополчения (1812 г.) С. 103-120; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. С. 377-386.

^{ix} См.: ГАПО. Ф. 132. Оп. 1а. Д. 3; *Шишкин И.* Указ. соч. С. 112-151; *Юматов П.И.* Рассказы моим детям. С. 149-229; *Юматов П.И.* Воспоминания ветерана 1813-1814 г. С. 78-134.

^x См.: Записки Филиппа Филипповича Вигеля. М., 1891-1892; Записки Ивана Ивановича Мешкова // Рос. архив. 1905. №6. С. 225-226.

^{xi} Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 29. Оп. 153в. Д. 166. Ч. 2. Л. 14—15об; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. С. 373-374.

^{xii} ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 411. Л. 43.

^{xiii} Там же. Ф. 132. Оп. 1а. Д. 3. Л. 1об

^{xiv} *Юматов П.И.* Воспоминания ветерана 1813-1814 г. С. 97-98.

^{xv} ГАПО. Ф. 132. Оп. 1а. Д. 3. Л. 2.

^{xvi} Там же. Л. 4об-5.

^{xvii} *Юматов П.И.* Воспоминания ветерана 1813-1814 г. С. 98-99.

^{xviii} *Юматов П.И.* Там же. С. 99. Дом коллежского асессора Головизнина после этого импровизированного штурма представлял собой весьма печальное зрелище. По описанию, составленному 15 декабря уездным судьей Бахметевым, он выглядел следующим образом: «все во окошках рамы с стеклами выбиты и выломаны, равно и двери, и одно стекло в столярной избе; мебель, как то креслы, стулья, камоды, фортопьяны, столы, кровати, зеркала и портреты, изломаны, изрублены в мелкие части так, что никаким образом и в починку не годятся; со образов оклады сняты, оныя разбросаны и некоторые переломаны; и в кладовой рассыпана, пограблена крупчатая мука и другие съестные припасы; пуховики и подушки все изрезаны, пух выброшен и валяется на полу по всему дому, а наволочки унесены; имущество все разграблено». См.: ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 411. Л. 176.

^{xix} ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 411. Л. 207об, 210.

^{xx} Там же. Л. 63-64, 65.

^{xxi} См.: *Годин В.С.* Антикрепостническое восстание ратников Пензенского ополчения в декабре 1812 года... С. 19; *Максимов И.С.* Указ. соч. С. 139.

^{xxii} ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 411. Л. 250об; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года... С. 384-385.

^{xxiii} См.: *Годин В.С.* Указ. соч. С. 19.

^{xxiv} См.: Там же. *Максимов И.С.* Указ. соч. С. 139.

^{xxv} ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 411. Л. 36-36об.

^{xxvi} Там же. Л. 36об.

^{xxvii} Там же. Л. 67-67об.

^{xxviii} РГВИА. Ф. 136. Оп. 1886. Св. 11. Д. 1. Л. 2-2об.

^{xxix} ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 411. Л. 11.

^{xxx} Там же. Л. 6-6об, 7, 9-9об.

^{xxxi} Там же. Л. 7аоб.

^{xxxii} Там же. Л. 14об.

^{xxxiii} Там же. Л. 8, 16-18об.

xxxiv Там же. Л. 66-66об.

xxxv Там же. Л. 48-49.

xxxvi РГВИА. Ф. 136. Оп. 1886. Св. 11. Д. 1. Л. 2-3, 9; ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 411. Л. 35-35об, 38, 40-41об.

xxxvii ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 411. Л. 11.

xxxviii Там же. 66-67об, 114-Шбб.

xxxix Воинская команда Саратовского гарнизонного батальона состояла из 100 «нижних чинов» при трех офицерах Она двигалась к Пензе на 40 пароконных подводах (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 411. Л. 98—98об). Очевидно, столько же насчитывала и команда Симбирского гарнизонного батальона, отправленная на 42 подводах (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 411. Л. 117). Более точные сведения имеются об отряде, выступившем из Тамбова. В рапорте князю Г.С. Голицыну поручика 8-й резервной артиллерийской бригады Титкова (Тишкова?), который являлся начальником тамбовской воинской команды указывается, что его отряд состоит «из одного унтер-офицера, одного барабанщика, 50 человек рядовых Тамбовского внутреннего гарнизона и 8-й резервной артиллерийской бригады 25 редовыми, и рекрутами 25». Кроме того, в имении статского советника Пашкова были взяты 2 орудия (6-фунтовый единого рога и 2-фунтовая пушка) с достаточным количеством ядер и картечи, но «пороху по совершенному недостатку онаго опущено немного» (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 409. Л. 48-48об).

xl ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 409. Л. 19-19об; Д. 411. Л. 198-198об.

xli В.С. Годин и И.С. Максимов ошибочно считают, что Инсар был блокирован 12 декабря. См.: *Годин В.С.* Указ. соч. С. 21-22; *Максимов К.С.* Указ. соч. С. 141.

xlii ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 410. Л. 1-2.

xliii Об этом, в частности, сообщает в своем рапорте князю Г.С. Голицыну дворянский заседатель Пензенской палаты уголовного суда Ларионов, говоря, что «духбуйности в дерзновенных упал, наверное ... от слухов до них дошедших о приближении воинских команд». См.: ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 411. Л. 69-69об.

xliv ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 410. Л. 1-2; Д. 411. Л. 70-70об.

xlv Там же. Д. 410. Л. 1-2.

xlvi Там же. Д. 411. Л. 69-69об, 129-129об.

xlvii На 17 декабря в беггах значился 51 ратник, на 25 декабря— 13. См.: ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 411. Л. 186-187об, 238.

xlviii Так, 11 декабря дворянский заседатель Ларионов доносил пензенскому губернатору, что у одной крестьянки, бывшей в Инсаре для свидания с мужем, «по обыску... найдено... под исподним ее платьем атласной салоп и в волостнике 205 рублей ассигнациями», а на следующий день на квартире у одного ратника обнаружено ружье немецкой работы, сабля, 160 руб. и заемное письмо в 600 руб., принадлежащее офицеру ополчения Ренову. См.: ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 410. Л. 1-2; Д. 411. Л. 69-69об.

xlix ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 411. Л. 136-137об, 138-138об.

¹ Там же. Л. 175-175об, 183-183об.

ⁱⁱ Там же. Л. 66-66об, 67-67об, 78-79.

ⁱⁱⁱ Там же. Л. 68—68об. Ср.: Записки Ивана Ивановича Мешкова... С. 226.

ⁱⁱⁱⁱ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 411. Л. 68-68об.

^{lv} Там же. Л. 114-114об.

^{lv} Там же. Л. 147-147об.

^{lvi} Там же. Л. 181.

^{lvii} Там же. Л. 105.

^{lviii} Там же. Л. 126. Князь Г.С. Голицын явно намекает на активное участие местных крестьян в крестьянской войне под предводительством Е. Пугачева.

^{lix} ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 409. Л. 3-4.

^{lx} Во время волнений чембарский городничий «вынужден был отпустить впредь до востребования 112 человек, да неизвестно куда отлучилось 150». См.: ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 409. Л. 103.

^{lxi} ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 409. Л. 75-76об

^{lxii} К Чембару были направлены отряд под командованием поручика Титкова с двумя орудиями, прибывший в Пензенскую губернию из Тамбова, и два егерских полка численностью до 2500 человек из резервного корпуса генерала от инфантерии князя Д.И. Лобанова-Ростовского, находившихся в это время на марше в Наровчат-ском уезде. См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1409. Оп. 1. Д. 715. Л. 1-4; ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 409. Л. 3-4, 19об; Д. 413. Л. 14; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. С. 380. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 409. Л. 75-76об

^{lxiii} ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 409. Л. 78-79об.

^{lxiv} Там же. Л. 17-18.

^{lxv} Там же. Л. 75-76об.

^{lxvi} Там же. Л. 76-76об, 80.

^{lxvii} Там же. Л. 80.

^{lxviii} Там же. Л. 80об.

^{lxix} Там же. Л. 81.

^{lxx} Там же. Л. 82-83.

- ^{lxxi} Хованский Н.Ф. Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. С. 61.
- ^{lxxii} ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 409. Л. 89.
- ^{lxxiii} В работе В.С. Година при описании событий в Чембаре содержится целый ряд неточностей. Так, выступление ратников 3-го и 4-го батальонов в с. Кевда-Вершина произошло не 16, а 17 декабря, расстрел ополченцев в Чембаре — не 23, а 22 декабря. Причем 22 числа вопрос о принятии ратниками присяги власти даже не поднимали. Не было никаких попыток установления связей с 1-м и 3-м пехотными полками ополчения. В подавлении волнений 22 декабря не принимали участие 8-я резервная артиллерийская бригада (из ее состава в Чембаре находились лишь поручик Титков и 25 «нижних чинов»), а также 36-й и 42-й егерские полки, подошедшие к городу позднее. Ср.: Годин В.С. Указ. соч. С. 23—25.
- ^{lxxiv} ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 413. Л. 22-22об.
- ^{lxxv} Там же. Д. 409. Л. 114-114об.
- ^{lxxvi} Там же. Л. 100-101.
- ^{lxxvii} Шишкин И. Т. Указ. соч. С. 150.
- ^{lxxviii} Юматов П.И. Указ. соч. С. 103.
- ^{lxxix} ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 531. Л. 12.
- ^{lxxx} Тарле КВ. 1812 год. М., 1959. С. 608.
- ^{lxxxi} РГВИА. Ф. 29. Оп. 153в. Д. 166. Ч. 3. Л. 14.
- ^{lxxxii} Там же. Л. 8-8об.
- ^{lxxxiii} РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 715. Л. 5-9, 12.
- ^{lxxxiv} Шишкин И. Т. Указ. соч. С. 118.
- ^{lxxxv} ГАЛО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 409. Л. 80.
- ^{lxxxvi} Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Ч. IV. С. 88-89.
- ^{lxxxvii} Юматов П.И. Указ. соч. С. 103-104.
- ^{lxxxviii} ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 411. Л. 242.
- ^{lxxxix} Юматов П.И. Указ. соч. С. 97-98.
- ^{xc} Наполеон в России глазами русских. М., 2004. С. 96.
- ^{lxxxi} В середине ноября 1812 г. в Саранск и Чембар было направлено по 8 казаков и 4 калмыка при урядниках, в Инсар - 4 казака и 2 калмыка. См.: ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 412. Л. 34-34об, 36-37об, 42.
- ^{lxxxii} ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 411. Л. 147-147об, 207-207об, 250-251об.
- ^{lxxxiii} Там же. Ф. 132. Оп. 1а. Д. 3. Л. 5.
- ^{lxxxiv} В ночь с 17 на 18 ноября воины 8-го башкирского полка, квартировавшего в Самаре, в полном вооружении самовольно ушли домой со своих квартир. Как показало расследование, среди башкир существовал заговор, согласно которому «так как теперь (по их мнению) в Москве царствует новый царь Пугач [находится Наполеон. — С.Б.], поэтому настала самая пора взбунтовать всю Башкирию, идти на Оренбург и другие места до самой Москвы, жечь города и убивать жителей». Главные зачинщики были наказаны кнутом и сосланы в Сибирь. См.: Государственный архив Самарской области (ГАСамО). Ф. 803. Оп. 3. Д. 191. Л. 209-214.
- ^{lxxxv} См.: РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 715. Л. 5-9; ГАПО. Ф. 132. Оп. 1а. Д. 3. Л. 1об, 2; Ф. 5. Оп. 1. Д. 409. Л. 3, 111-112; Д. 411. Л. 1, 16-18об, 36-37, 43-45, 66-66об, 200-201, 207-207об, 210-210об; Юматов П.И. Указ. соч. С. 103.
- ^{lxxxvi} Кабанов А. К. Ополчения 1812 года // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 5. С. 43-44.
- ^{lxxxvii} ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 409. Л. 111-112.
- ^{lxxxviii} В своем рапорте Александру I от 2 января 1813г. князь Г.С. Голицын сообщает, что волнение в Инсаре стало следствием распространения слухов о том, что в Пензе на базаре будто бы уже читали указ о роспуске ополчения, а в Тамбове милиция уже распущена. См.: РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 715. Л. 5—9; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. С. 384-385.
- ^{lxxxix} ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 409. Л. 111об.